

RU

Номинативное поле концепта МОШЕННИК в русской языковой картине мира

Усачева О. А., Чернявская Н. А., Темникова Н. Ю.

Аннотация. Цель исследования – выявить на материале субстантивной лексики ядро номинативного поля концепта МОШЕННИК в рамках моделирования когнитивной структуры ситуации мошеннического взаимодействия. Научная новизна работы заключается в том, что в ней феномен мошенничества впервые изучается в аспекте его лингвокогнитивной интерпретации – как концептуальное поле, имеющее пропозициональную структуру. В статье впервые определены и проанализированы лексико-семантические парадигмы номинаций лиц, участвующих в мошенническом акте. В результате выявлено многообразие субстантивов, объективирующих феномен мошенничества. Отмечена высокая продуктивность в современном медиапространстве обозначений мошенника по роду деятельности. Обнаружен широкий круг разноуровневых языковых единиц, маркирующих «ложность», «мнимость» социального статуса мошенника. Выявлено активное обновление состава лексико-семантических групп под воздействием экстралингвистических факторов, в частности процессов цифровизации современного общества. Впервые проанализированы коллокации, отражающие ассоциативное сближение мошенника с другими правонарушителями в русском языковом сознании. Обоснован высокий прагматический потенциал субстантивов, формирующих номинативное поле концепта МОШЕННИК.

EN

The nominative field of the concept of a FRAUDSTER in the Russian language picture of the world

O. A. Usacheva, N. A. Chernyavskaya, N. Y. Temnikova

Abstract. The purpose of the study is to identify, based on the material of substantive vocabulary, the core of the nominative field of the concept of FRAUDSTER in the framework of modeling the cognitive structure of the situation of fraudulent interaction. The scientific novelty of the work lies in the fact that in it the phenomenon of fraud is studied for the first time in the aspect of its linguocognitive interpretation – as a conceptual field with a propositional structure. The article defines and analyzes for the first time the lexical and semantic paradigms of nominations of persons involved in a fraudulent act. As a result, a variety of substances objectifying the phenomenon of fraud has been revealed. The high productivity of the fraudster's designations by type of activity in the modern media space was noted. A wide range of multilevel linguistic units has been found, marking the "falsity", "imaginary" social status of a fraudster. The active updating of the composition of lexical and semantic groups under the influence of extralinguistic factors, in particular the processes of digitalization of modern society, has been revealed. For the first time, collocations reflecting the associative rapprochement of a fraudster with other offenders in the Russian language consciousness are analyzed. The high pragmatic potential of the substantives forming the nominative field of the concept of FRAUDSTER is substantiated.

Введение

Актуальный, вызывающий общественное беспокойство феномен мошенничества в настоящее время привлекает внимание многих исследователей из разных сфер современного гуманитарного знания – психологии, социологии, философии, права. Лингвистические работы, посвященные феномену мошенничества, немногочисленны. Как правило, их объектом являются манипулятивные технологии, используемые в мошенническом дискурсе (Литвинова, 2023; Смирнова, 2024). Между тем экспансия остросоциальной проблемы мошенничества в современном коммуникативном пространстве свидетельствует о необходимости лингвокогнитивной

интерпретации этого феномена, предполагающей моделирование концептуальной структуры мошеннического акта и анализ комплекса когнитивных параметров его участников.

Актуальность проведенного исследования заключается в выявлении и структурировании представлений об участниках ситуации мошенничества в сознании носителей русского языка XXI в., что отвечает задачам современной лингвистики, в фокусе внимания которой оказывается взаимодействие языковых и ментальных единиц.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- собрать и систематизировать примеры, характеризующие ситуацию мошенничества;
- определить концептуальную структуру мошеннического акта;
- осуществить категоризацию участников мошеннического взаимодействия на основе анализа и систематизации номинаций лиц, причастных к ситуации мошенничества.

Настоящая статья отражает результаты первого этапа лингвокогнитивного исследования феномена мошенничества – анализ субстантивов, формирующих ядро номинативного поля концепта МОШЕННИК.

Материалом для исследования послужили фрагменты текстов, характеризующих акт мошенничества. Анализировались интернет-публикации, а также публицистические тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка (<https://ruscorpora.ru/>), отобранные в том числе при помощи поиска коллокаций к слову *мошенник*.

При анализе значений рассматриваемых лексических единиц были использованы данные следующих словарей:

- Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. 1998. <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>;
- Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. 1999. <https://lexicography.online/explanatory/mas/>.

Теоретическую базу исследования составляют труды А. П. Бабушкина (2024), А. П. Бабушкина, И. А. Стернина (2018), Н. Н. Болдырева (2014), Е. С. Кубряковой (2009), З. Д. Поповой, И. А. Стернина (2007), посвященные актуальным проблемам современной концептологии. Кроме того, учитывались работы М. В. Влавацкой (2019), Т. Ю. Павельевой (2016), А. О. Черноусовой (2021), ориентированные на исследование коллокаций в контексте комбинаторной лингвистики.

Под номинативным полем концепта вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным (2007, с. 66) мы понимаем совокупность языковых средств, объективирующих концепт в определенный период развития общества. «Номинативное поле концепта принципиально неоднородно – оно содержит как прямые номинации самого концепта непосредственно (ядро номинативного поля), так и номинации отдельных когнитивных признаков концепта, раскрывающих содержание концепта и отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях (периферия номинативного поля)» (Попова, Стернин, 2007, с. 68).

Ситуация мошеннического акта рассматривается нами как пропозициональная структура – сформированная опытным путем модель события, в которой вычленяются базовый предикат и его аргументы, даются их характеристики, указываются связи между ними (Болдырев, 2014, с. 55).

Термин *коллокация* в современной лингвистике не имеет общепризнанного понимания. Мы придерживаемся принятого в компьютерной (корпусной) лингвистике широкого подхода к определению коллокации – «тенденция к совместной встречаемости в определенном контексте» (Черноусова, 2021, с. 12). Как отмечает Т. Ю. Павельева (2016, с. 56-57), лингвистический корпус представляет неограниченные возможности в плане изучения явления коллокаций в контексте: важным преимуществом корпуса текстов является то, что языковые данные разного типа находятся здесь в своей естественной контекстной форме. По мнению исследователей, «в коллокации уточняются и конкретизируются значения слов, из которых она состоит» (Влавацкая, 2019, с. 439).

В работе применялись методы дискурсивного и контекстуального анализа, концептуального моделирования, метод семантико-синтагматического анализа коллокаций. Концептуальное моделирование состояло в определении сущности и структуры номинативного поля исследуемого концепта; метод контекстуального анализа использовался при квалификации значений выявленных субстантивов с учетом условий их реализации в рамках конкретных высказываний; дискурсивный анализ позволил расширить интерпретативные возможности лингвистического инструментария за счет внимания к прагматическим особенностям коммуникации; метод семантико-синтагматического анализа коллокаций применялся при анализе синтагматических связей выявленных лексем и их комбинаторного потенциала.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике преподавания когнитивной лингвистики, лексикологии, семасиологии, лингвокультурологии.

Обсуждение и результаты

Проведенный анализ обнаруживает пропозициональную структуру ситуации мошеннического взаимодействия, включающую субъект и объект воздействия (мошенника и его жертву), признаки субъекта и объекта, их типичные действия и отчуждаемый предмет.

Менее значимыми компонентами пропозиции являются второстепенные участники (представители закона, банковских структур), место и время мошеннического акта.

В массиве имен существительных, номинирующих субъект мошеннического акта и лиц, взаимосвязанных с ним, можно выделить следующие лексико-семантические парадигмы: 1) базовая номинация *мошенник* и ее синонимические эквиваленты; 2) оценочная лексика; 3) номинации мошенника по роду деятельности; 4) наименования различных категорий правонарушителей; 5) номинации жертвы мошеннического взаимодействия; 6) номинации сотрудников правоохранительных органов; 7) номинации второстепенных лиц.

Обратимся к характеристике выявленных групп.

Синонимическими эквивалентами слова *мошенник* являются номинации *плут*, *аферист*. В словарях наблюдается взаимотолкование данных лексем: *Мошенник* – «нечестный человек; **плут**»; *Плут* – «ловкий и хитрый обманщик, **мошенник**»; *Аферист* – «тот, кто занимается аферами; **мошенник**, жулик» (Большой толковый словарь русского языка, 1998). На основе анализа толкований можно выделить дифференциальные концептуальные признаки субъекта пропозиции: недобросовестность, лживость, корыстность, готовность рисковать. Ср. *афера* – рискованное и недобросовестное дело, предприятие с целью наживы (Словарь русского языка, 1999). Выявленные признаки актуализируются в большинстве рассматриваемых контекстов: *Поймать на удочку: как **мошенники** обманывают россиян* (gazeta.ru, 20.10.2019); *По словам эксперта, сейчас **аферисты** способны «извернуть» любой инфоповод, чтобы ввести в замешательство свою жертву и сыграть на ее эмоциях, чувствах или страхах* (Парламентская газета, 17.04.2020); *Жиганами называли кочегаров, винокуров, вообще людей, запачканных сажей, а позже это слово перешло на «горячих», лихих людей – **плутов**, озорников, **мошенников*** (lenta.ru, 04.12.2016).

Группу оценочной лексики формируют общеоценочные лексемы *подлец*, *негодяй*, *мерзавец*, а также лексемы с семантикой негативно-оценочного социального поведения *пройдоха*, *проходимец*, *шарлатан*, *самозванец*, *злодей*, *лицемер*, *лгун*, *лжец*, *обманщик*, *предатель*: *Кто (или что) дает зеленый свет **мошенникам** и **негодьям** в нашем обществе?* (bolshoyvopros.ru, 31.01.2015); *Есть соинвесторы, которые принесли свои деньги, и их попросту обманули **мошенники**, **подлецы*** (Московский комсомолец, 23.02.2011); *Мальшева написала, что ее программа «Жить здорово» старается максимально защитить зрителей от **шарлатанов** и **мошенников*** (Московский комсомолец, 04.04.2019); *Поводом для этого стала публикация Жука в интернет-блоге, где тот называет детского правозащитника **лжецом** и **мошенником*** (Известия, 14.02.2013).

Лексико-семантическая парадигма номинаций мошенника по роду деятельности включает широкий круг лексем, в первую очередь связанных со сферой торгово-экономических и финансовых отношений: *продавец*, *торговец*, *банкир*, *финансист*, *кассир*, *страховщик*, *риелтор*, *коммерсант*, *бизнесмен*, *должник*, *заемщик*, *контролер* и др. Зафиксированы и наименования, причисляющие к мошенникам лиц других профессий: *политик*, *застройщик*, *врач*, *психолог*, *телемастер*, *полицейский*, *автоюрист*, *адвокат*, *таксист* и др. Показательно, что в составе обозначений мошенника продуктивен круг номинаций лиц, оказывающих нетрадиционные магические услуги: *экстрасенс*, *целитель*, *гипнотизер*.

Часто названные существительные участвуют в образовании сложных слов с компонентом *мошенник*: *Совершив задуманное количество незаконных сделок, **банкиры-мошенники** спешат затеряться где-нибудь за границей* (Парламентская газета, 24.06.2019); *Ранее сообщалось, что правоохранительные органы будут пресекать деятельность **таксистов-мошенников** во время чемпионата мира – 2018* (gazeta.ru, 06.06.2018); *На практике встречаются **адвокаты-мошенники**, главная цель которых – личное обогащение* (advokat-sarkisov.ru, 08.01.2019); *В Твери орудует **мошенник-гипнотизер*** (Vesti.ru, 01.08.2014).

Однако в большинстве контекстов акцентируется мнимая принадлежность мошенника к той или иной профессии. Значимыми оказываются модальные маркеры – равноуровневые языковые единицы (лексико-синтаксические, словообразовательные, пунктуационные), ориентированные на реализацию смысла «этот человек не тот, за кого себя выдает». Так, зафиксировано большое количество выражающих данный смысл лексико-синтаксических средств: *представяться (кем-либо)*; *притворяться (кем-либо)*; *маскироваться под (кого-либо)*; *скрываться под (кем-либо)*; *выдавать себя за (кого-либо)*; *вовсе и не (кто-то)*; *под видом / от имени / от лица (кого-то)*; *ненастоящий, липовый, мнимый, фиктивный, фальшивый* и т. п.: *Мошенники **под видом сотрудников банков** начали предлагать россиянам оформить вклад под высокий процент* (Парламентская газета, 04.04.2021); *Новые обличия: в Вологодской области мошенники **маскируются под телемастеров*** (Vesti.ru, 14.02.2020); *Мошенники **представились целителями** и проникли в дом к доверчивым пенсионерам* (Vesti.ru, 27.10.2014); *В Подмоскowie задержали обманывавшего пенсионеров **мнимого главврача** больницы* (Vesti.ru, 07.09.2020); *Эксперт рассказал, как не попасть на приём к **липovому психологу*** (Парламентская газета, 03.12.2021). Очевидно, что ведущим когнитивным признаком ситуации мошеннического взаимодействия является обман – намеренная попытка сфабриковать недостоверную информацию, осуществляемая в манипулятивных целях.

Широкое распространение в медийном дискурсе получили номинации мошенников, образованные по словообразовательной модели с префиксальными компонентами *лже-*, *псевдо-*, *квази-*, обозначающие лиц с ложным социальным статусом, сознательно выдающих себя за кого-либо в корыстных целях (Куликова, 2020, с. 107): *лжеполицейский*, *лжеблаготворитель*, *лжезастройщик*, *лжесоцработник*, *псевдоадвокат*, *псевдриелтор*, *псевдополицейский*, *псевдоцелитель*, *квазибизнесмен*, *квазипродавец* и др.: *В Краснодаре **лжезастройщика**, похитившего у граждан свыше 22 миллионов рублей, приговорили к реальному сроку лишения свободы* (lenta.ru, 02.08.2019); ***Псевдополицейский** «развел» магазин на 35 тысяч рублей* (nvgazeta.ru, 30.06.2019); ***Квазипродавец** норковой шубы предстанет перед судом по обвинению в мошенничестве* (pro-sud-123.ru, 30.03.2020); *Что надо знать, чтобы не попасться на крючок **псевдоцелителей*** (euroonco.ru, 24.11.2023).

Продуктивностью характеризуется словообразовательная модель сложных слов, образуемых присоединением лексемы *оборотень* к наименованиям лиц по профессии: *Москвичей дураят «коммунальщики-оборотни»* (Комсомольская правда, 18.07.2006); *Застройщики-оборотни уехали, призрак Диснейленда остался* (47news.ru, 03.09.2018); *Врачи-оборотни в Кирове ставили ложные диагнозы об онкологии и вымогали деньги у пациентов* (vk.com/kirovonline, 30.03.2023).

Активно употребляются иронические или саркастические кавычки – знак условности номинации: *Поняв, что «продавцы» оказались мошенниками, актер обратился в полицию* (Известия, 29.06.2020); *В кировском медцентре «врачи» без медицинского образования ставили пациентам ложные диагнозы* (kirov-portal.ru, 26.02.2019).

Тотальная цифровизация общества способствовала появлению новых видов мошенников, ср.: *роботы-мошенники, боты-мошенники, кибермошенники, смс-мошенники, интернет-мошенники, онлайн-мошенники: Роботы-мошенники стали звонить россиянам в 35 раз чаще* (pravo.ru, 13.12.2021); *В Роскачестве рассказали о ботах-мошенниках в Telegram, ворующих пароли* (78.ru, 10.11.2022); *С введением карантина из-за коронавируса в России активизировались интернет-мошенники* (Парламентская газета, 23.03.2020); *Кибермошенники изобретают новые способы обмана россиян, в том числе используя такие современные технологии, как deepfake (дипфейк) – созданные посредством искусственного интеллекта голосовые и видеозвонки от «знакомых»* (banki.ru, 18.05.2024).

В материале встречаются и метафорические номинации мошенника (*фокусник, кукловод*), а также прецедентные имена (*Остан Бендер, Чичиков, Хлестаков* и др.), эксплицирующие типичные особенности коммуникативного взаимодействия мошенника с потенциальной жертвой: *В Госдуму проник Остан Бендер* (Vesti.ru, 26.05.2010); *В Ульяновской области осужден новый Остан Бендер* (Комсомольская правда, 13.05.2011); *В станицу заявился некий Виктор Козлов, представился «помощником губернатора» и устроил разнос чиновникам. Современный «Хлестаков» смог убедить в своём статусе не только жителей района, но и местные власти* (anekdot.ru, 31.10.2020); *Банкиры – те же чичиковы, зарабатывающие деньги обманом, из воздуха* (Аргументы и факты, 05.05.2010).

Группа коллокаций, содержащая наименования различных категорий правонарушителей, свидетельствует о том, что для русского языкового сознания типично ассоциативное сближение и даже отождествление мошенника с другими преступными элементами: *вор, ворюшка, карманник, жулик, грабитель, шулер, лохотронщик, фальшивомонетчик, вымогатель, рейдер, спекулянт, взяточник, коррупционер, расхититель, наркоторговец, контрабандист, убийца, насильник, маньяк, преступник, хулиган, бандит, разбойник, уголовник, рецидивист, подельник, сообщник* и др.: *Грабители, воры и мошенники перешли на удалёнку и активно овладевают технологиями дистанционного выманивания денег у доверчивых граждан* (Парламентская газета, 29.09.2021); *Отпетые мошенники, профессиональные карманники, взяточники, выйдя на свободу и встречаясь с начальником розыска самого большого района Калининграда, вежливо кланяются* (Комсомольская правда, 04.10.2008); *Издание отмечает, что известны случаи, когда в приложениях для знакомств орудовали мошенники, насильники и убийцы* (lenta.ru, 28.01.2019). В современных медийных текстах актуальны цифровые неологизмы и сленг: *кардер, хакер, спамер: Американские рутейлеры либо не хотят тратиться на систему, защищающую от кардеров и мошенников, ворующих номера кредитных карт, либо опасаются серых поставок товара в Россию* (Известия, 06.06.2013); *В ЕК пояснили, что пользователи сети опасаются за сохранность своих личных данных, боятся мошенников и хакеров* (РИА Новости, 08.02.2020); *Все больше мошенников и спамеров используют имя Viber для получения прибыли* (gazeta.ru, 17.05.2016).

В целом анализ лексической парадигмы слова *мошенник* обнаруживает богатство семантического содержания формирующих ее лексических единиц. Язык не просто регистрирует разнообразие мошенников, он выстраивает их иерархию – от мелких, незначительных (*проходимец, жулик, шарлатан, ворюшка, прощельга* и др.) до опасных, «матерых» (*разбойник, вор, злодей* и т. п.); конкретизирует способ осуществления мошеннической деятельности (*фокусник, картежник, кукловод, софист*), указывает прямо или косвенно на сферы ее реализации (*спекулянт, взяточник, торгаш, шулер, казнокрад, рэкетир*).

Подчеркнем, что в семантике слова *мошенник* и эквивалентных номинаций предметное и оценочное значения тесно связаны, неотделимы друг от друга. Такие лексические единицы, по мнению М. Н. Эпштейна, являются прагмемами, которые «оценивают собственную предметность и опредмечивают собственную оценочность» (1991, с. 20). Подобный «синтетизм», сращение семантической основы слова с его прагматической функцией – показательная особенность лексической системы русского языка.

Так, говоря о смысловом содержании слов, формирующих концептуальное поле *мошенник*, можно наблюдать, как варьируется их прагматический компонент: язык **клеимит** обманщиков (*вралей, кидал, ряженых, машинаторов, фальшивомонетчиков, аферистов, шарлатанов, оборотней*) и стяжателей (*взяточников, хануг, ворюг, рвачей, обирал, спекулянтов, жулье*); **презирает** хитрецов (*прохвостов, прохидеев, проныр, выжиг, ловчил*) и бездельников (*паразитов, шаромыжников, прощельг*); **внушает опасение** к *грабителям, уголовникам, бандитам*; **уважает** *рыцарей наживы, мастеров обмана*; **относится с насмешкой** к *жукам, дошлым, субчикам, джентльменам удачи* и т. д.

Коллокации, обозначающие жертву мошеннического взаимодействия, представляют собой лексические единицы, денотативный компонент в семантике которых содержит социально-демографическую характеристику лица – возраст, пол, место проживания, род занятий, ситуативную роль и др.: *пенсионер, старик, абонент, пользователь, клиент (банка), вкладчик, дольщик, покупатель, потерпевший, потерпевшая, пострадавший, лох, терпила, жительница, гражданин, россиянин, горожанин, москвич, приезжий*: *В Петербурге мошенник похитил у пенсионера 2,5 млн рублей* (Известия, 09.12.2019); *По данным издания, пока не ясно, как будут влиять на требование о возврате действия самого клиента, который поверил мошенникам и добровольно перевёл им деньги* (Парламентская газета, 06.12.2021); *Жительница Томска перечислила мошенникам более 1,5 млн рублей* (Известия, 08.10.2020).

Номинации сотрудников правоохранительных органов представлены лексемами *полицейский, милиционер, оперативник, следователь, детектив, сыщик*. В большинстве случаев названные лексемы употребляются в контекстах, описывающих ситуацию розыска или задержания мошенника: *В Ростове-на-Дону полицейские задержали мошенников, которые обманывали столичных пенсионеров* (Vesti.ru, 06.12.2016); *На поиски мошенника брошены лучшие сыщики московской милиции* (Труд-7, 27.01.2004).

Таким образом, язык продуцирует многочисленные номинации участников мошеннического взаимодействия, живо откликаясь на актуальную социальную проблему.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Концептуальная структура мошеннического акта представляет собой пропозициональную модель, включающую такие значимые компоненты, как субъект и объект воздействия (мошенник и его потенциальная или реальная жертва), совокупность выполняемых ими действий, комплекс ведущих признаков, определяющих успешность мошеннического взаимодействия. Другие возможные компоненты ситуации – место, время, третьи лица – являются менее значимыми, периферийными.

Анализ обнаружил широкий спектр номинаций участников мошеннического взаимодействия – от максимально обобщенных, базовых обозначений (*мошенник, плут, аферист*) до наименований, конкретизированных по разным линиям – в зависимости от сферы профессиональной деятельности, типичного речевого поведения, способа воздействия, отношения к этическим и юридическим нормам, степени социальной опасности и др. Выявленные лексико-семантические парадигмы в современном русском языке активно пополняются новообразованиями под влиянием социальных изменений.

Наиболее продуктивной оказалась парадигма номинаций мошенника по роду деятельности, что свидетельствует о проникновении мошенничества в самые разные профессиональные сферы. В рамках этой группы обнаружена активность разноуровневых языковых средств, причастных к репрезентации субъекта мошенничества, – не только лексических единиц, но и словообразовательных и синтаксических моделей. Обширной является и группа коллокаций, содержащая наименования различных категорий правонарушителей. Несмотря на то, что в случае мошенничества жертва добровольно и зачастую по собственной доверчивости или невнимательности расстается с денежными средствами, в массовом сознании, очевидно, закрепилось устойчивое представление о мошеннике как о преступнике, заслуживающем соответствующее наказание.

В целом лексика, формирующая номинативное поле концепта МОШЕННИК в русском языке, обладает высоким прагматическим потенциалом – способна не только эксплицировать общую оценку этого социального явления, но и отражать иерархию разных категорий мошенников, дифференцируя степень негативного отношения к ним и предопределяя линии возможного взаимодействия с ними.

В качестве перспективы исследования можно обозначить изучение входящей в рассматриваемое номинативное поле адекативной и глагольной лексики, а также образных средств репрезентации концепта МОШЕННИК.

Источники | References

1. Бабушкин А. П. О языке, когнитии и переводе: избранные работы. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024.
2. Бабушкин А. П., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика и семасиология. Воронеж: Ритм, 2018.
3. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.
4. Влавацкая М. В. Типология коллокаций в комбинаторной лингвистике // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77).
5. Кубрякова Е. С. Основные направления концептуального анализа: вместо введения // Когнитивные исследования языка. 2009. № 1.
6. Куликова В. А. Словообразовательные средства выражения негативной оценки (на материале новообразований в заголовках электронных СМИ XXI в.): дисс. ... к. филол. н. Н. Новгород, 2020.
7. Литвинова Л. А. Манипулятивный потенциал ложных утверждений в структуре мошеннического дискурса // Вестник Полоцкого государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 3 (68).
8. Павельева Т. Ю. Изучение коллокаций на основе лингвистических корпусов текстов // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2016. Т. 21. Вып. 3-4 (155-156).
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток – Запад, 2007.
10. Смирнова И. В. Дискурс технически опосредованного мошенничества: жанр «развод» / «разводилово» и его стратегии // Жанры речи. 2024. Т. 19. № 1 (41).
11. Черноусова А. О. Тенденции развития устойчивой сочетаемости (на материале редких коллокаций в языке англоязычной художественной прозы): дисс. ... к. филол. н. М., 2021.
12. Эпштейн М. Н. Идеология и язык (Построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6.

Информация об авторах | Author information**RU**

Усачева Ольга Александровна¹, к. филол. н., доц.
Чернявская Надежда Анатольевна², к. филол. н., доц.
Темникова Наталья Юрьевна³, к. филол. н., доц.

^{1, 2, 3} Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева

EN

Olga Alexandrovna Usacheva¹, PhD
Nadezhda Anatolievna Chernyavskaya², PhD
Natalia Yurievna Temnikova³, PhD

^{1, 2, 3} Samara National Research University

¹ usachova-o@yandex.ru, ² chia20081@yandex.ru, ³ temnatasha@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.05.2024; опубликовано online (published online): 19.06.2024.

Ключевые слова (keywords): пропозиция как тип концепта; феномен мошенничества; номинации участников мошеннического взаимодействия; номинативное поле; коллокации лексической единицы МОШЕННИК; proposition as a type of concept; fraud phenomenon; nominations of participants in fraudulent interaction; nominative field; collocations of the lexical unit FRAUDSTER.